

© 1991 г.

СКЛЯРЕНКО В. Г.

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ПОДВИЖНОЙ АКЦЕНТНОЙ ПАРАДИГМЫ

Вопрос о происхождении славянской подвижной акцентной парадигмы (далее — а. п.) давно привлекает внимание исследователей. Одна из первых попыток решения этого вопроса принадлежит Г. Хирту, который связывал славянскую подвижную а. п. с и.-е. баритонированной а. п. (славянскую окситонированную а. п. он отождествлял с и.-е. окситонированной а. п.) [1, с. 44—48]. Идею Г. Хирта о соответствии славянской подвижной а. п. и.-е. баритонированной а. п. приняли многие исследователи, являющиеся в основном представителями классической акцентологии. Возникновение подвижности ударения в славянском языке они обычно объясняют действием закона Фортунатова — де Соссюра, согласно которому ударение с циркумфлектированного, или краткостного, слога передвигалось на следующий слог, если он был акутированным, ср. им. п. ед. ч. **zimā* (< **zima*) при вин. п. ед. ч. **zimr*. Однако не все представители классической акцентологии связывали возникновение подвижности ударения в славянском языке с действием закона Фортунатова — де Соссюра. В частности, А. Мейе, одним из первых указав на тождество славянского подвижного акцентного класса с балтийским, считает балтийское и славянское передвижение ударения (между началом и концом слова) отражением и.-е. подвижности тона между началом и концом слова [2, с. 72—75; 3]. При этом он полагает, что в и.-е. языке было не две акцентные парадигмы (баритонированная и окситонированная, или подвижно-окситонированная, как свидетельствуют древнеиндийский, древнегреческий и германский языки, а три акцентные парадигмы (баритонированная, окситонированная и подвижная), как свидетельствует славянский язык [2, с. 74]. По мнению А. Мейе в славянский подвижный класс входят не только имена с и.-е. подвижной а. п., но также и.-е. баритонированные имена с краткостным корнем (последние получили подвижную а. п. в связи с тем, что у них появились окситонированные формы в результате передвижения ударения по закону Фортунатова — де Соссюра [2, с. 73]).

Ф. Седлачек вместо закона Фортунатова — де Соссюра выдвинул перевернутый закон (если флексия имела циркумфлексовое ударение, то в балто-славянском языке оно перешло на начальный слог слова, который в результате этого получил тоже циркумфлексовую интонацию) и считает балто-славянскую подвижность ударения отражением и.-е. окситонезы [4]. Из и.-е. окситонезы выводит подвижность ударения в литовском языке и Ф. де Соссюр. По его мнению, указанная трансформация произошла сначала в окситонированных консонантных основах в результате перемещения ударения с внутреннего слога на начальный слог (конечное ударение при этом оставалось на своем месте), ср. вин. п. ед. ч. *dūktērī* (< **dūktērīn*), но им. п. ед. ч. *dūktē*. Под влиянием консонантных основ подвиж-

ность ударения распространилась на другие (вокалические) окситонированные основы [5].

Е. Курилович тоже считает, что в балто-славянском языке ударение с внутреннего краткостного слога консонантных окситонированных основ оттягивалось на начальный слог [6, с. 169—173], но согласно его концепции, славянские имена с подвижной а. п. отражают и.-е. баритонированные и окситонированные образования с краткостным корнем (славянские имена с баритонированной а. п. отражают и.-е. баритонированные и окситонированные образования с долготным корнем, а славянский окситонированный класс возник из мотивированных в балто-славянском языке имен, изменивших в литовском языке окситонированную а. п. на подвижную) [6, с. 173—200, 300—301]. Проведенное В. М. Иллич-Свитычем сопоставление славянских данных с и.-е. (древнеиндийский, древнегреческий, германский и балтийский языки) не подтвердило концепцию Е. Куриловича, в том числе и его вывод о совпадении и.-е. баритонированной и окситонированной а. п. имен с краткостным корнем в славянской подвижной а. п. В. М. Иллич-Свитыч убедительно доказал, что славянским именам с подвижной а. п. соответствуют и.-е. имена с окситонированной, или подвижно-окситонированной а. п. (славянские баритонированные имена соответствуют и.-е. баритонированным именам с долготным корнем, а славянские окситонированные имена — и.-е. баритонированным именам с краткостным корнем) [7, с. 157]. Х. Станг также критически отнесся к концепции Е. Куриловича, которая явно находится в противоречии с фактами славянского языка [8, с. 306]. По мнению Х. Станга, балто-славянская маргинальная подвижность ударения развилась из и.-е. маргинальной подвижности ударения, следы которой прослеживаются в древнеиндийском и в древнегреческом языках [9, с. 174—175; 8, с. 134, 304—306]. После работ Х. Станга балто-славянскую подвижность ударения принято рассматривать как рефлекс и.-е. морфологической подвижности ударения (см. [10, с. 6—7])¹.

Положение о том, что балто-славянская подвижная а. п. соответствует и.-е. подвижной а. п., является, на наш взгляд, надежным и убедительным. Но важно не столько указать на и.-е. акцентную парадигму, из которой развились славянская и балтийская подвижные а. п., сколько осмыслить сам процесс развития и.-е. подвижной а. п. на почве балто-славянского, славянского и балтийского языков. Это тем более сложно осуществить, что об и.-е. подвижной акцентной парадигме известны с очень мало, и более полная реконструкция этой парадигмы для имен и глаголов возможна лишь в результате осмысления соответствующего материала славянских и балтийских языков.

Балто-славянские акцентные парадигмы тесно связаны с интонациями, в связи с чем при решении вопроса о происхождении и развитии балто-славянских акцентных парадигм большое внимание мы уделяем природе (и изменениям в природе) интонаций. Балто-славянская акутовая интонация реконструируется нами как восходяще-нисходящая. На первой интонированной мере долгого гласного происходило повышение тона, на второй — понижение тона. В протославянских говорах при акутовой интонации тоническая и динамическая вершины находились в начале второй меры, в протолитовских говорах — в конце первой меры². Именно из-за

¹ В. М. Иллич-Свитыч тоже допускает, что подвижность ударения в балтийском и славянском отражает архаизм, устаревший в древнеиндийском и древнегреческом [7, с. 162].

² Подробнее о природе балто-славянской акутовой интонации см. [11, с. 63].

своей двухкомпонентности (повышение тона — понижение тона) акутовая интонация, не выходя за пределы одного слога, могла находиться только на долгом гласном (на отдельном долгом гласном или на долгом гласном, являвшемся первым элементом долгого дифтонгического сочетания). Однако балто-славянская восходяще-нисходящая интонация могла охватывать и две моры соседних слогов. Это имело место в тех случаях, когда повышение тона приходилось на краткостный слог, т. е. на слог с кратким гласным или с кратким дифтонгическим сочетанием (мы считаем, что в балто-славянском языке количество дифтонгического сочетания состояло только из количества слогового элемента)³. В таких случаях понижение тона происходило уже на следующем слоге (при долготности следующего слога — на первой море долгого гласного). Восходяще-нисходящую интонацию, охватывающую две моры соседних слогов, будем называть двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, а восходяще-нисходящую интонацию, охватывающую две моры одного и того же слога, — однослоговой восходяще-нисходящей (или акутовой) интонацией.

В протославянских говорах и баритонированная, и окситонированная а. п. были связаны с восходяще-нисходящей интонацией: баритонированная а. п. — с однослоговой или двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (второй интонированный слог являлся корневым или суффиксальным), окситонированная а. п. — только с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (второй интонированный слог содержал в себе тематический гласный).

В отличие от праславянских баритонированной и окситонированной а. п., первая из которых была свойственна в основном словам с долготным корнем (точнее, с долготным подударным слогом корня), а вторая — лишь словам с краткостным корнем (точнее, с краткостным предударным слогом корня), праславянскую подвижную а. п. имели слова как с долготным, так и с краткостным корнем (точнее, как с долготным, так и с краткостным начальным слогом) (см. [10, с. 3—6; 7, с. 157]). Подвижность ударения в праславянском (и в балто-славянском) языке заключалась в чередовании акцента между крайними слогами форм слова [9, с. 174; 12, с. 30; 13], а точнее, между крайними морями форм слова [14, с. 55, 56]. Формы с ударением на первом слоге будем называть баритонированными, а формы с ударением на конечном слоге — окситонированными. Имеются основания считать, что первоначально (в балто-славянском языке) в именах с подвижной а. п. баритонированными были формы дательного и винительного падежей (единственного, множественного и двойственного числа), а окситонированными — формы именительного, родительного, творительного и местного падежей (единственного, множественного и двойственного числа) [14, с. 50—55]. По мнению Е. Куриловича, первоначально «сильными» (ударяемыми на первой море) были формы винительного падежа (и, возможно, дательного) единственного числа, а также именительного и винительного падежей множественного и двойственного числа [15, с. 46—47]. Акцентные чередования (акцентные оппозиции) в балто-славянском языке выполняли грамматическую функцию. Используясь как средство грамматического противопоставления, они являлись дополнением к морфологической системе [16]. Со временем акцентные оппозиции форм слова утратили свое первоначальное (морфологическое) значение, что послужило причиной выравнивания акцентуации различных форм одного и того же слова.

³ Подробнее об этом см. [11, с. 63—64].

Характерным признаком праславянской подвижной а. п. является циркумфлекс в баритонированных формах. А. Мейе считает, что в праславянском языке в баритонированных формах имен подвижной а. п. при исконной долготности начального слога изначально имела место акутовая интонация, которая была заменена циркумфлексовой под влиянием имен подвижной а. п. с первичной циркумфлексовой интонацией [17]. Указанное положение А. Мейе (так называемое правило А. Мейе, или закон Мейе), принимаемое многими исследователями (см., например [18, с. 192—197]), не может, однако, объяснить аналогичных фактов глагола. Как отмечает В. А. Дыбо, такое выравнивание интонаций, какое А. Мейе предполагает для имен, в глаголе было совершенно исключено [12, с. 5]. В связи с этим происхождение циркумфлексовой интонации на исконно долготном начальном слоге в баритонированных формах слов с подвижной а. п. мы склонны объяснить по-другому. На наш взгляд, циркумфлексовая интонация в указанных формах является по своему происхождению акутовой (восходяще-нисходящей) интонацией, видоизмененной в протославянских говорах в связи с тем, что в баритонированных формах слов с подвижной а. п. ударяемой должна быть начальная мора (в соответствии с балтославянским принципом акцентного чередования между крайними морями форм слова): на начальную мору словоформы приходился второй компонент акутовой интонации — понижение тона с тонической и динамической вершинами, а повышение тона (первый компонент акутовой интонации) обеспечивалось соответствующим напряжением голосовых связок в паузе перед началом словоформы [19, с. 25]. Характерной особенностью славянского циркумфлекса (включая краткостное ударение) было понижение тона на первой море долгого гласного (долгого дифтонгического сочетания) начального слога или на кратком гласном (на кратком дифтонгическом сочетании) начального слога. Протославянскую (и праславянскую) интонацию долгого гласного (долгого дифтонгического сочетания) начального слога в баритонированных формах слов с подвижной а. п. будем называть долгой нисходящей, а интонацию краткого гласного (краткого дифтонгического сочетания) начального слога — краткой нисходящей.

В связи с тем, что в праславянском языке долгие дифтонгические сочетания претерпели сокращение долготы слогового элемента, а неслоговой элемент дифтонгических сочетаний (и первоначально долгих, и первоначально кратких) в позиции перед согласным (а также в конце слова) получил слоговость, долгая нисходящая интонация первоначально долгих дифтонгических сочетаний продолжала оставаться долгой нисходящей (с той разницей, что раньше она приходилась на долгий гласный дифтонгического сочетания, а теперь — на все дифтонгическое сочетание или на весь дифтонг), а краткая нисходящая интонация первоначально кратких дифтонгических сочетаний стала долгой нисходящей. Следовательно, в баритонированных формах слов с подвижной а. п. интонация первоначально долгих и первоначально кратких дифтонгических сочетаний слилась в долгой нисходящей, которая, естественно, не может свидетельствовать ни о первоначальной долготности, ни о первоначальной краткостности дифтонгического сочетания, ср. форму вин. п. ед. ч. существительных: с одной стороны, псл. **vidъ* (литов. *vėidq*, 3-я а. п.), **gdъp* (литов. *gálvq*, 3-я а. п.), а с другой, псл. **drūgъ* (литов. *draūgq*, 4-я а. п.), **zīmъ* (литов. *ziēmą*, 4-я а. п.).

В окситонированных формах слов с подвижной а. п. долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога получил в протославянских говорах (в соответствии с балтославян-

ским принципом акцентного чередования между крайними морями форм слова) однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, а на краткий гласный (в том числе и на краткий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога при краткости предшествующего слога пришелся второй компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации — понижение тона с тонической и динамической вершинами (повышение тона имело место на предшествующем кратком слоге). В тех же случаях, когда краткому конечному слогу предшествовал долготный слог, двуслоговая восходяще-нисходящая интонация на двух последних слогах не возникала, поскольку повышение тона при восходяще-нисходящей интонации в балто-славянском языке не могло происходить ни на второй море долгого гласного, ни на всем долгом гласном. Оно могло происходить только на первой море долгого гласного или на кратком гласном, в связи с чем долгий гласный предпоследнего слога получил однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, а конечный краткий слог остался безударным [19, с. 26]. Следовательно, в протославянских говорах в окситонированных формах слов с подвижной а. п. при долготности предпоследнего слога и краткости конечного имело место фонетически обусловленное нарушение балто-славянского принципа акцентного чередования между крайними морями форм слова: ударение в соответствии с указанным принципом должно было бы находиться на конечном кратком слоге, но его перехватил предпоследний долготный слог. Подытоживая сказанное, можно сформулировать правило, что в протославянских говорах в окситонированных формах слов с подвижной а. п. при долготности конечного слога ударение всегда приходилось на конечный слог, а при краткости конечного слога оно приходилось или на конечный слог, если предпоследний тоже был кратким, или на предпоследний, если он был долготным (при этом на конечном долготном слоге, а также на предпоследнем долготном слоге при краткости конечного имела место однослоговая восходяще-нисходящая интонация, на двух последних краткотных слогах — двуслоговая восходяще-нисходящая интонация). Примером действия этого правила может быть праславянское ударение формы инфинитива глаголов с подвижной а. п. (конечное *-i* инфинитива развилось из краткого дифтонгического сочетания *ei* [15, с. 18]: *ei* > *i* > *i*), ср., с одной стороны, псл. **nesti*, **vezti*, **bergti* (< **bergtej*), **kletī* (< **klentej*) и др. (при праславянской двуслоговой восходяще-нисходящей интонации обозначаем лишь понижение тона на втором интонированном слоге, причем знаком [˘] обозначаем понижение тона на кратком гласном), а с другой, **klāsti*, **grȕzti*, **prēsti* (< **prēndtej*), **liti* (< **lēitej*) и др. (праславянскую однослоговую восходяще-нисходящую интонацию обозначаем знаком [˙]). Древнее распределение ударения в форме инфинитива глаголов с подвижной а. п. (форме, несомненно, окситонированной) сохранилось в праславянском языке потому, что форма инфинитива была изолированной формой (не входила в какую-нибудь парадигму), в связи с чем она почти не испытывала влияния других форм. Этого нельзя сказать, например, о форме именительного падежа единственного числа существительных *ǫ-jǫ-*, *ū-*, *ī-* основ с подвижной а. п. (форме тоже, несомненно, окситонированной), в которой ударение первоначально находилось, на наш взгляд, на конечном слоге (кратком) при краткости предпоследнего (**rogòs*, **drougòs*, **žombòs*, **medūs*, **noktis* и др.) и на предпоследнем слоге при его долготности (**vēidos*, **sānus*, **zvēris* и др.), но со временем в праславянском языке древнее распределение ударения в указанной форме было утрачено под влиянием баритонированной формы винительного

падежа единственного числа (ср. позднеславянские формы им. п. ед. ч.: *rǫgъ, *drǫgъ, *zǫbъ, *mĕdъ, *nǫt'ъ, *vĭdъ, *sŭnъ, *zvĕrъ)⁴. Вместе с тем в форме именительного падежа единственного числа существительных ā-, ū-основ с подвижной а. п. первоначальное ударение на конечном слоге (долготном) в праславянском языке сохранялось (*golvā > *golvā, *zejmā > *zīmā, *nogā > *nogā, *svekrū > *svekrŭj и др.).

Таким образом, отрицая существование в протославянских говорах в словах с подвижной а. п., имеющих долготный начальный слог, баритонированных форм с акутовой интонацией, мы тем не менее считаем, что в таких словах (двусложных) существовали окситонированные формы с акутовой интонацией начального слога. Сочетание в одной парадигме форм с долгой нисходящей и акутовой интонациями начального слога сохранялось до тех пор, пока ощущалась акцентная оппозиция форм (например, именительного и винительного падежей единственного числа). Как только указанная оппозиция в праславянском языке перестала существовать, формы с акутовой интонацией на начальном слоге подверглись влиянию форм с долгой нисходящей интонацией, что привело к замене акутовой интонации начального слога долгой нисходящей. В тех окситонированных формах, в которых слова с начальным долготным слогом получили долгую нисходящую интонацию на начальном слоге (вместо акутовой), слова с начальным краткостным слогом приобрели краткую нисходящую интонацию на начальном слоге, утратив конечное ударение, что произошло, с одной стороны, под влиянием слов с начальным долготным слогом, а с другой, под влиянием собственных баритонированных форм (с краткой нисходящей интонацией на начальном слоге).

В праславянском языке после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (в результате чего слог с кратким дифтонгическим сочетанием стал долготным) повышение тона (первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) на слоге с дифтонгом или дифтонгическим сочетанием происходило уже на обоих элементах дифтонга или дифтонгического сочетания, а понижение тона (с тонической и динамической вершинами) оставалось на следующем слоге, ср. местн. п. мн. ч. δ-основ: *drougoisŭ > *drougoirъ > *drug'ĕrъ.

Если слово с подвижной а. п. тесно сочеталось с предыдущим предложением (союзом, частицей) или последующим местоимением (частицей), то балто-славянский принцип акцентного чередования между начальной и конечной морфемами слова действовал уже по отношению всей тактовой группы: в тактовой группе с баритонированной формой слова первый слог сочетания (предлог, союз или частица) получал нисходящую интонацию (долгую или краткую), а в тактовой группе с окситонированной формой слова последний слог сочетания (местоимение или частица) получал однословную восходяще-нисходящую интонацию (при долготности послед-

⁴ Е. Курилович для балто-славянского языка реконструирует флексивное ударение в именительном падеже единственного числа основ на -ā, -ū, -ī (а также на -ā, -r) с подвижной а. п. [6, с. 201—203]. По мнению Х. Станга, балто-славянская акцентуация формы именительного падежа единственного числа существительных δ-основ мужского рода с подвижной а. п. была скорее всего флексивной, а корневое ударение этой формы в славянском и литовском языках является, очевидно, вторичным, в частности, в славянском оно может быть результатом влияния формы винительного падежа единственного числа [9, с. 76]. В. М. Иллич-Свитыч тоже считает, что для δ-основ мужского рода с подвижной а. п. следует принимать раннее устранение окситонезы в именительном падеже единственного числа. «Введение баритонезы в Nom. Sing., возможно, связано с ранней заменой этой формы формой Acc. Sing.» [7, с. 119].

него слога) или второй компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации (при краткости двух последних слогов).

Балто-славянский принцип акцентного чередования между крайними морями форм слова действовал и в протолитовских говорах. Однако, поскольку в протолитовских говорах при восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились в конце первой интонированной моры (а не в начале второй, как в протославянских говорах), то в баритонированных формах слов с подвижной а. п. долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний) начального слога получил однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, а на краткий гласный (в том числе и на краткий гласный дифтонгических сочетаний) начального слога пришелся первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации — повышение тона с тонической и динамической вершинами (понижение тона происходило на следующем слоге, при долготности следующего слога — на первой море долгого гласного). В связи с тем, что в пралитовском языке долгие дифтонгические сочетания претерпели сокращение долготы слогового элемента, а неслогового элемент дифтонгических сочетаний (и первоначально долгих, и первоначально кратких) в позиции перед согласным (а также в конце слова) получил слоговость, однослоговая восходяще-нисходящая интонация на долгом слоговом элементе дифтонгических сочетаний преобразовалась в однослоговую восходяще-нисходящую интонацию с повышением тона на сократившемся слоговом элементе и понижением тона на получившем слоговость втором элементе (однослоговая восходяще-нисходящая интонация осталась в пределах дифтонга или дифтонгического сочетания). Если повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации приходилось на слог с кратким дифтонгическим сочетанием, то после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (в результате чего слог с кратким дифтонгическим сочетанием стал долгим) повышение тона в протоаукштайтских говорах распространилось и на второй элемент дифтонга или дифтонгического сочетания (повышение тона осталось в пределах дифтонга или дифтонгического сочетания, а понижение тона — на следующем слоге), причем тоническая и динамическая вершины, которые при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации всегда находились в конце восходящей части тона (в конце первого интонированного слога), пришлось на второй элемент дифтонга или дифтонгического сочетания. В результате утраты в аукштайтских говорах литовского языка старых интонационных различий пралитовская однослоговая восходяще-нисходящая интонация долгих гласных, а также дифтонгов и дифтонгических сочетаний в баритонированных формах слов с подвижной а. п. (как и во всех остальных случаях) трансформировалась в литовскую нисходящую интонацию — акут (через стадию — долготы с иктусом на первой море долгого гласного или на первом элементе дифтонга / дифтонгического сочетания), а пралитовское (протоаукштайтское) повышение тона на обоих элементах дифтонга или дифтонгического сочетания при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации трансформировалось в литовскую восходящую интонацию — циркумфлекс (через стадию — долготы с иктусом на втором элементе дифтонга или дифтонгического сочетания), ср. литов. вин. п. ед. ч. *gálvą, ląną, sūnų; bažną, draįgą*.

Протолитовское повышение тона на кратком гласном *i* и *u* (при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) изменилось в баритонированных формах слов с подвижной а. п. (как и во всех остальных случаях)

в литовское краткое ударение (динамическое ударение на месте динамической вершины былой дауслоговой восходяще-нисходящей интонации), ср. литов. вин. п. ед. ч. *liną, dūktę*. Краткий гласный *a* или *e*, на который в пралитовском языке приходилось повышение тона (при дауслоговой восходяще-нисходящей интонации), в баритонированных формах слов с подвижной а.п. (как и во всех остальных случаях) удлинился и имеет в литовском литературном языке циркумфлекс (ср. литов. вин. п. ед. ч. *rąsq, rąga, mēdy*), что позволяет рассматривать и этот циркумфлекс как рефлекс повышения тона (первого компонента дауслоговой восходяще-нисходящей интонации) на удлинившемся гласном (повышение тона охватило весь удлинившийся гласный, причем тоническая и динамическая вершины пришлись на конец удлинившегося гласного).

В окситонированных формах слов с подвижной а.п. краткий гласный (в том числе и краткий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога получил в протолитовских говорах (в соответствии с балто-славянским принципом акцентного чередования между крайними морями форм слова) первый компонент восходяще-нисходящей интонации — повышение тона с тонической и динамической вершинами, при этом понижение тона происходило в паузе после слова в результате ослабления напряжения голосовых связок. Протолитовскую интонацию краткого гласного (в том числе и краткого гласного дифтонгического сочетания) конечного слога в окситонированных формах слов с подвижной а.п. будем называть краткой восходящей. В пралитовском языке после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (в результате чего слог с кратким дифтонгическим сочетанием стал долготным) краткая восходящая интонация на кратком дифтонгическом сочетании в протоаукштайтских говорах изменилась в долгую восходящую интонацию, которая характеризовалась повышением тона на обоих элементах дифтонга или дифтонгического сочетания, причем тоническая и динамическая вершины находились на втором элементе дифтонга или дифтонгического сочетания. В связи с утратой в аукштайтских говорах литовского языка старых интонационных различий краткая восходящая интонация на конечном слоге изменилась в литовское краткое ударение (динамическое ударение на месте динамической вершины былой краткой восходящей интонации), а долгая восходящая интонация на конечном слоге (содержащем дифтонг или дифтонгическое сочетание) трансформировалась в литовскую восходящую интонацию (циркумфлекс), ср. литов. им. п. ед. ч. *sūnūs, medūs, žvėris, avis*, под. п. ед. ч. *sunāūs, medāūs, žvėriēs, aviēs*, им. п. мн. ч. *langai, draugai ragai*. Если в окситонированных формах слов с подвижной а. п. конечный слог содержал в себе долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний), то повышение тона в протолитовских говорах (и вообще в балто-славянском языке) не могло происходить на второй море долгого гласного. Оно могло происходить лишь на первой море долгого гласного или на кратком гласном, в связи с чем долгий гласный конечного слога получил однослововую восходяще-нисходящую интонацию, например, протолитовские им. п. ед. ч. **gālvā, твор. п. мн. ч. *gālvāmīs*. Следовательно, в протолитовских говорах в окситонированных формах слов с подвижной а. п. при долготности конечного слога имело место фонетически обусловленное нарушение балто-славянского принципа акцентного чередования между крайними морями форм слова. В пралитовском языке акцентированные долгие гласные конечного слога в формах слов с подвижной а. п. сократились (закон Лескина) [20], в результате чего однослововая восходяще-нисходящая интонация на долгих гласных, под-

вергшихся сокращению, трансформировалась в краткую восходящую, ср. литов. *galvā, galvomis*. На наш взгляд, указанное сокращение — результат действия протолитовского (и пралитовского) принципа акцентного чередования (чередования между крайними морями форм слов), одержавшего верх и там, где он был нарушен. Сокращение конечных акутированных долгих гласных в формах слов с подвижной а. п. было обобщено также неподвижными акцентными парадигмами соответствующего класса слов.

Следует подчеркнуть, что в балто-славянском языке, а также в праславянском и пралитовском языках в период до получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации происходило только на кратком слоге; после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (и превращения в связи с этим краткостного слога, содержащего краткое дифтонгическое сочетание, в долготный слог) повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации в праславянском языке и в протоаукштайских говорах пралитовского языка происходило уже как на кратком, так и на долготном слоге.

Таким образом, один и тот же балто-славянский принцип чередования ударения (между крайними морями форм слов) в протославянских и в протолитовских говорах привел к неодинаковым результатам из-за имевшейся в этих говорах различия в природе восходяще-нисходящей интонации. Балто-славянская восходяще-нисходящая интонация была свойственна не только протославянским и протолитовским говорам, но также протолатышским и протопруссским. То обстоятельство, что при латышской длительной интонации, которая по происхождению соответствует литовскому акуту в баритонированной а. п., голос под конец долгого гласного или дифтонга становится сильнее и выше [21], позволяет предположить, что в протолатышских говорах и в пралатышском языке тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации находились в начале второй интонированной моры. Учитывая факты древнепрусского языка типа *boūt* (литов. *būti*), *pogaūt* (литов. *pagāuti*), аналогичный вывод можно сделать также относительно протопруссских говоров и прапруссского языка. Но если в протославянских, протолатышских и протопруссских говорах тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации находились в начале второй интонированной моры и лишь в протолитовских говорах — в конце первой интонированной моры, то возникает предположение, что в протолитовских говорах тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации тоже первоначально находились в начале второй интонированной моры. Такое предположение хорошо согласуется с мнением ученых о сохранении славянским аккутом балто-славянской природы, в отличие от литовского акута [8, с. 125]. В связи с этим мы считаем, что в раннем балто-славянском языке (т. е. до диалектного членения) тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации находились в начале второй интонированной моры.

Следует также учесть то обстоятельство, что чередование ударения (иктуса) между началом и концом форм слова с подвижной а. п., характерное для позднего балто-славянского языка, свидетельствует о доминировании динамической стороны восходяще-нисходящей интонации над тонической. Однако в языках с тоническим ударением такое положение не может быть первоначальным. В раннем балто-славянском языке тоническая сторона восходяще-нисходящей интонации должна была домини-

ровать над динамической. Исходя из этого, мы полагаем, что в раннем балто-славянском языке между началом и концом форм слова с подвижной а. п. происходило чередование не ударения, как в позднем балто-славянском языке, а интонации (восходяще-нисходящей). В баритонированных формах слова с подвижной а. п. начальный долготный слог характеризовался однослоговой восходяще-нисходящей интонацией, а при краткости начального слога первые два слога были охвачены двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (при долготности второго слога понижение тона происходило на первой мере долгого гласного). В окситонированных формах слова с подвижной а. п. конечный долготный слог характеризовался однослоговой восходяще-нисходящей интонацией, а при краткости двух последних слогов на них размещалась двуслоговая восходяще-нисходящая интонация; при краткости конечного слога и долготности предпоследнего на предпоследнем слоге имела место однослоговая восходяще-нисходящая интонация, поскольку повышение тона при восходяще-нисходящей интонации в балто-славянском языке не могло происходить ни на второй мере долгого гласного, ни на всем долгом гласном, а лишь на первой мере долгого гласного (и на кратком гласном).

В протославянских говорах балто-славянского языка природа восходяще-нисходящей интонации не изменилась, однако в связи с тем, что между началом и концом форм слова с подвижной а. п. чередование интонации сменилось чередованием ударения (иктуса), в баритонированных формах слов с подвижной а. п. возникла нисходящая интонация — долгая или краткая (в окситонированных формах никаких интонационно-акцентуационных изменений не произошло). В протолитовских говорах балто-славянского языка не только чередование интонации сменилось чередованием ударения (между началом и концом форм слова с подвижной а. п.), но изменилась также природа восходяще-нисходящей интонации (тоническая и динамическая вершины переместились с начала второй интонированной меры на конец первой интонированной меры). Указанные изменения привели к тому, что в баритонированных формах слов с подвижной а. п. сохранилась однослоговая восходяще-нисходящая интонация на начальном долготном слоге и двуслоговая восходяще-нисходящая интонация на двух первых слогах при краткости начального слога, а в окситонированных формах возникла восходящая интонация на конечном краткотном слоге; при долготности конечного слога на нем сохранилась однослоговая восходяще-нисходящая интонация.

Следует отметить, что в протославянских говорах трансформация восходяще-нисходящей интонации в нисходящую в баритонированных формах слов с подвижной а. п. была проведена очень последовательно. В протолитовских же говорах восходящая интонация на конечном краткотном слоге в окситонированных формах слов с подвижной а. п. возникала (вместо двуслоговой восходяще-нисходящей интонации на двух последних краткотных слогах и однослоговой восходяще-нисходящей интонации на предпоследнем долготном слоге) лишь при наличии оппозиции форм (при наличии парадигмы); в изолированных же формах (не входящих в какую-либо парадигму) указанная перестройка не происходила. Изолированной формой выступала, в частности, форма инфинитива, являющаяся по происхождению скорее всего формой местного падежа единственного числа существительных *i*-основ (см. [22]). В акцентном отношении она была, несомненно, окситонированной. Поскольку конечный слог (содержащий краткое дифтонгическое сочетание *ei*) в форме инфинитива был краткот-

ным, то формы инфинитива при своем возникновении (в раннем балтославянском языке) получили двусловную восходяще-нисходящую интонацию на двух последних слогах при краткости предпоследнего слога и односложную восходяще-нисходящую интонацию на предпоследнем слоге при его долготности. В позднем балтославянском языке связь инфинитива с формой местного падежа единственного числа существительных *i*-основ уже не ощущалась, а восходяще-нисходящая интонация в инфинитиве (однослоговая в суффиксальных инфинитивах и однослоговая или двуслоговая в бессуффиксных инфинитивах) воспринималась как акцентуация независимого баритонированного слова. В связи с этим форма инфинитива в протолитовских говорах не получила восходящей интонации на конечном кратком слоге, как другие окситонированные формы, а сохранила старую акцентуацию, что послужило причиной совпадения акцентуации форм инфинитива в протославянских и в протолитовских говорах, ср. псл. **bŷti*, **bŷti*, **liti*, **dŷti*, **jeŷi*, **nesti*, **vezti*; литов. *būti*, *bārti*, *lieti*, *dūmti*, *imti*, *nėsti*, *vėžti*.

В раннем балтославянском языке часть двусложных имен с подвижной а. п. и с долготным корнем получила баритонированную а. п. (**dūmos*, **pūros*, *lātom*, **māter*, **dāijer*⁶, **grivā* и др.). На наш взгляд, это произошло потому, что в двусложных именах с подвижной а. п. и с долготным корнем однослоговая восходяще-нисходящая интонация на корневом слоге была свойственна не только баритонированным падежным формам, но также окситонированным формам с краткотным конечным слогом. Такое совпадение акцентуации баритонированных и части окситонированных форм способствовало обобщению односложной восходяще-нисходящей интонации во всей парадигме. Перевод двусложных имен с подвижной а. п. и с долготным корнем в баритонированные имена на всей территории распространения балтославянского языка осуществлялся до тех пор, пока в протославянских говорах в баритонированных формах имен с подвижной а. п. не возникла нисходящая интонация. В протолитовских говорах в баритонированных формах имен с подвижной а. п. и с долготным корнем однослоговая восходяще-нисходящая интонация сохранилась, и поэтому процесс замены в указанных именах подвижной а. п. баритонированной продолжался, но он не был таким активным, как в раннем балтославянском языке, поскольку с акцентуацией баритонированных форм уже не совпадала акцентуация окситонированных форм с краткотным конечным слогом (последние вместо односложной восходяще-нисходящей интонации на корневом слоге получили краткую восходящую интонацию на конечном слоге).

Изменение акцентной парадигмы в именах типа **dūmos*, происшедшее в балтийском и славянском языках, привлекало внимание многих ученых. При этом исследователи, основываясь на показаниях древнеиндийского, древнегреческого и германского языков, считали, что в именах типа **dūmos* первоначальным (индоевропейским) было конечное ударение (ср. др.-инд. *dhūmās*, греч. *Φῦμας*). Исходя из этого, Г. Хирт предположил, что в балтийском и славянском языках ударение с конечного слога передвинулось на предпоследний, если он имел акутовый характер (т. е. был долготным) [23; 4, с. 54]. Указанное предположение Г. Хирта известно в нау-

⁶ Исследователи обычно реконструируют и.-е. **māter*, **dāijer* с долгим *-e-* (**mātēr*, **dāijēr*). На наш взгляд, долгота *-e-*, о которой свидетельствует ряд и.-е. языков (например, др.-инд. *mātā*, литов. *motė*; др.-инд. *devā*, греч. *ἑῷα*), возникла на почве этих же языков в результате приобретения и дальнейшей утраты конечным *-r* слогообразующего характера (**māter* > **māter* > **mātēr*).

ке как закон Хирта. Следует отметить, что не все исследователи приняли этот закон. Его отрицает, в частности, А. Мейе [2, с. 67—68]. Некоторые ученые принимают закон Хирта с теми или иными поправками. Особенно существенны поправки, внесенные в закон Хирта Т. Лер-Сплавинским. По мнению Т. Лер-Сплавинского, в древнейший период славянского языка ударение не со всякого конечного слога передвигалось на предпоследний акутированный слог, а лишь с конечного краткостного или циркумфлексированного слога; если же конечный слог был акутированным, то ударение оставалось на нем независимо от интонации предпоследнего слога [24]. Нетрудно заметить, что закон Хирта с поправкой Т. Лер-Сплавинского полностью соответствует сформулированному нами выше правилу об акцентуации окситонированных форм слов с подвижной а. п. в раннем балто-славянском языке: при долготности конечного слога на нем имела место однослоговая восходяще-нисходящая интонация, а при краткостности конечного и предпоследнего слогов на них размещалась двуслоговая восходяще-нисходящая интонация; при краткостности конечного слога и долготности предпоследнего предпоследний слог характеризовался однослоговой восходяще-нисходящей интонацией. Л. А. Булаховский считает, что поправка Т. Лер-Сплавинского делает закон Хирта более вероятным [18, с. 224, 285]. Однако указанная поправка, по мнению Л. А. Булаховского, не объясняет разнородной акцентуации инфинитивных форм глаголов (ср. в русском языке, с одной стороны, *нести́, везти́, плести́, расти́*, а с другой, *есть, класть, дать* и др.), потому что акутовый характер гласного в инфинитивном суффиксе в то время не вызывал сомнений из-за предполагаемого действия закона Фортунатова — де Соссюра в случаях типа **moč'i* [18, с. 224]. Поскольку теперь действие закона Фортунатова — де Соссюра на славянской почве отрицается почти всеми акцентологами, нет оснований настаивать на акутированности инфинитивного суффикса, и, следовательно, разнородную акцентуацию инфинитивных форм глаголов можно в принципе объяснить действием закона Хирта, уточненного Т. Лер-Сплавинским.

Новая славянская акцентология, основывающаяся на морфологической концепции, отклонив основные фонетические законы классической акцентологии (закон Фортунатова — де Соссюра, закон Шахматова), закон Хирта тем не менее приняла. В формулирование этого закона В. М. Илич-Свитыч внес лишь некоторые изменения. Он считает, что в балто-славянском языке оттягивание ударения с конечного слога на корень имело место лишь при наличии в корне неапофонической долготы [7, с. 81, 156, 157, 162]. На наш взгляд, для такого уточнения закона Хирта нет достаточных оснований. Во-первых, все случаи наличия долготы в корне (во время действия закона Хирта) и отсутствия переноса ударения с конечного слога на корень невозможно объяснить апофоничностью долготы в корне. В. М. Илич-Свитыч приводит всего три слова с апофонической долготой в корне и отсутствием переноса ударения с конечного слога на корень: балт. **pēda* (подвижная а. п.), слав. **jāje*, **nāgъ* [7, с. 81, 156]. Однако даже в отношении этих трех примеров нельзя сказать, что все они являются надежными. Очевидное родство слав. **jāje* с лат. *ovum* «яйцо», греч. *ᾠόν* тж. «не позволяет принимать особое удлинение гласного в слав.» [25]. Краткость корневого гласного этого слова в германском вторичного происхождения [26]. Во-вторых, непонятно, чем же существенным неапофоническая долгота отличалась от апофонической, если происхождение долготы играло такую важную роль во время действия закона Хирта.

Закон Хирта (с поправкой Т. Лер-Сплавинского) мы считаем проявле-

нием правила акцентирования окситонированных форм слов с подвижной а. п. в раннем балто-славянском языке: формы с долготным конечным слогом характеризовались однослоговой восходяще-нисходящей интонацией на конечном слоге, а формы с краткостным конечным слогом характеризовались или двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией на двух последних слогах (при краткостности предпоследнего слога), или однослоговой восходяще-нисходящей интонацией на предпоследнем слоге (при долготности предпоследнего слога). В некоторых двусложных словах с подвижной а. п. и долготностью начального слога однослоговая восходяще-нисходящая интонация на начальном слоге, свойственная не только двусложным окситонированным формам с краткостным конечным слогом, но также всем баритонированным формам, была обобщена во всей парадигме.

В. А. Дыбо установил, что в тех случаях, когда в балто-славянском языке накоренное ударение возникло в результате оттягивания акцента по закону Хирта, кельто-италийские языки тоже указывают на накоренное ударение [27]. Это наблюдение позволило В. М. Иллич-Свитычу сделать вывод, что «оттягивание ударения на слог с неапофонической долготой было, по-видимому, не специфическим балто-славянским, а индоевропейским диалектным процессом» [7, с. 163]. Мы тоже считаем, что правило акцентирования окситонированных форм слов с подвижной а. п. относится не только к раннему балто-славянскому языку, но и к позднему индоевропейскому. Выравнивание акцентуации падежных форм слов с подвижной а. п. и долготностью предпоследнего слога (однослоговая восходяще-нисходящая интонация на конечном слоге при долготности конечного слога и однослоговая восходяще-нисходящая интонация на предпоследнем слоге при краткостности конечного слога) имело место во многих и.-е. языках, однако в одних языках обобщалась акцентуация форм с ударением на предпоследнем слоге (балто-славянский язык, кельто-италийские языки), а в других — с ударением на конечном слоге (древнеиндийский и древнегреческий языки) ⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hirt H. Akzentstudien // IF. 1899. Bd 10.
2. Meillet A. Sur l'accentuation des noms en indo-européen // MSLP. 1916. V. 19.
3. Meise A. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 323—324.
4. Sedláček Fr., Půzvuk podstatných jmen v jazycích slovanských. Praha, 1914. S. 176—177.
5. Сосюр Ф. де. Литовская акцентуация // Сосюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 626—631.
6. Kurylowich J. L'accentuation des langues indo-européennes. 2-ème éd. Wrocław; Kraków, 1958. P. 169—173.
7. Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском: Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
8. Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.
9. Stang Ch. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
10. Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6.
11. Сякяренко В. Г. К вопросу о происхождении славянской окситонированной акцентной парадигмы // Советское славяноведение. 1988. № 1.
12. Дыбо В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

⁶ Предположение о более позднем возникновении окситонезы в древнеиндийских и древнегреческих словах рассматриваемого типа высказал Х. Шелд [28]. Явную тенденцию к распространению окситонезы в древнеиндийских прилагательных этого типа отмечает В. А. Дыбо [12, с. 18].

13. Колесов В. В. История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972. С. 62.
14. Скаженко В. Г. Ранньопраслов'янська рухома акцентна парадигма // Мовознавство. 1986. № 5.
15. Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве // Вопросы славянского языкознания. 1958. Вып. 3.
16. Ham J. Akcenatske opozicije u slavenskim jezicima. Zagreb, 1958. S. 64 (posebni otisak) // Radovi Slavenskog instituta posvećeni IV Međunarodnom sastanku slavista u Moskvi (1958).
17. Мелье А. О некоторых аномалиях ударения в славянских именах // Русский филологический вестник. 1902. Т. 48. № 3—4. С. 195, 200.
18. Булаховский Л. А. Древнейшая славянская метатония акутовых долгот (закон А. Мейе) // Булаховский Л. А. Избр. труды: В 5-ти т. Т. 4. Киев, 1980.
19. Скаженко В. Г. Происхождение славянского и литовского циркумфлекса // Слов'янське мовознавство: X Міжнародний з'їзд славистів. Київ, 1988.
20. Leskien A. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // Archiv für slavische Philologie. 1881. Bd 5. S. 189.
21. Endzelin J. Über den lettischen Silbenakzent // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1899. Bd 25. S. 259.
22. Скаженко В. Г. З історії акцентуації неозначеної форми дієслів української мови // Мовознавство. 1988. № 2. С. 43.
23. Hirt H. Der indogermanische Akzent. Strassburg, 1895. S. 94.
24. Lehr-Splawinski T. Najstarsze prasłowiańskie prawo cofania akcentu // Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski. V. 2. Cracoviae, 1928. S. 97.
25. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1. М., 1974. С. 61.
26. Słownik prasłowiański. T. 1. Wrocław etc., 1974. S. 153.
27. Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. 1961. Вып. 5. С. 18—19.
28. Sköld H. Zur Akzentzurückziehung auf Akutsilben // SLPh. 1927. Bd 4. S. 143.